

Д. Е. ВАСИЛЬЕВ

УРАЛЬСКИЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬ
Воспоминания о Д. Е. Васильеве

Shawnee

УРАЛЬСКИЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬ

ВОСПОМИНАНИЯ О Д.Е. ВАСИЛЬЕВЕ

СНЕЖИНСК

Екатеринбург
Издательство "Художник"
1997

*С первых дней создания института
во главе его стояли крупнейшие орга-
низаторы производства и науки -
Дмитрий Ефимович Васильев и Ки-
рилл Иванович Щелкин.*

Е.И. Забабахин

**Книга рассказывает о жизни и деятельности
Д.Е. Васильева, первого директора двух круп-
ных предприятий Министерства Российской
Федерации по атомной энергии, основателя
Свердловска-45 и Челябинска-70.**

ISBN 5-85383-123-3

© РФЯЦ-ВНИИТФ, 1997 г.

© Издательство "Художник", 1997 г.

© Новикова Т.Г., автор-составитель, 1997 г.

© В.В. Штукатуров, макет, оформление, 1997 г.

**В основу материала легли
воспоминания жителей городов
Лесной (Свердловск-45) и
Снежинск (Челябинск-70):**

Беллева Бориса Иосафовича

Бродягиной Евгении Павловны

Голикова Николая Андреевича

Густовой Галины Дмитриевны

Дорхфеева Вениамина Александровича

Жучихина Виктора Ивановича

Забабахина Евгения Ивановича

Клопова Леонида Федоровича

Комиссарова Леонида Павловича

Кручинина Александра Вячеславовича

Лбова Германа Степановича

Мальского Анатолия Яковлевича

Митюкова Анатолия Владимировича

Никитина Владислава Ивановича

Палкина Николая Георгиевича

Строцевой Лидии Петровны

Усикова Павла Яковлевича

Феоктистовой Екатерины Алексеевны

Шипулина Виктора Александровича

Щелкина Кирилла Ивановича

Щелкина Феликса Кирилловича

Яненко Николая Николаевича

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Не так давно Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики (ВНИИТФ), а за ним и город Снежинск отметили свое сорокалетие. В дни юбилеев принято оглядываться назад и вспоминать, с чего все начиналось.

А началось все с записки, которую в 1954 году Кирилл Иванович Щелкин, бывший тогда заместителем научного руководителя КБ-11, написал в адрес правительства СССР. В документе обосновывалась необходимость создания в Советском Союзе второго ядерного центра. Первый центр, ныне известный как Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), успешно действовал с декабря 1946 года, и в его недрах уже были созданы и испытаны первые конструкции советских ядерной и водородной бомб.

Причины создания нового института были как политического характера (в США чуть раньше, в дополнение к Лос-Аламосской, была создана Ливерморская Национальная лаборатория), так и научно-технического (руководители ядерной отрасли предусматривали возможность специализации двух центров, которые при необходимости смогли бы заменить друг друга).

Предложение было принято, и в апреле 1955 года родился институт, за годы своего существования сменивший множество названий - НИИ-1011, почтовый ящик 0215, п/я 150, институт приборостроения, в настоящее время - Российский Федеральный Ядерный Центр - Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики.

Деятельность любой организации начинается с того, что назначают ее руководители. Нашему

институту и городу (вряд ли можно отделять одно от другого) повезло: в первые годы их существования в институте работала сильнейшая пара - Дмитрий Ефимович Васильев и Кирилл Иванович Щелкин, директор и научный руководитель, организатор производства и ученый.

Кирилл Иванович Щелкин - фигура достаточно заметная в истории двадцатого века. Жизнь и научная деятельность этого крупного физика были подробно описаны в многочисленных публикациях.

Дмитрий Ефимович Васильев - персона менее заметная в силу сложившихся обстоятельств, но отнюдь не менее колоритная. Его роль в решении той задачи, которая была поставлена сорок с лишним лет назад - создание ядерного центра на Урале, - заслуживает пристального внимания. Однако работа в нашем городе - лишь небольшой, к сожалению, последний этап его жизни.

Д.Е. Васильеву было отпущено всего 58 лет. На годы его жизни - первую половину двадцатого века - пришлось великие потрясения - революции, Великая Отечественная война, начало ядерной эпохи в истории человечества. И ко всему этому Дмитрий Ефимович волей обстоятельств оказался причастен. Если можно сказать, перефразировав слова Уинстона Черчилля, что Россия за первую половину двадцатого века прошла путь от сохи до ядерной дубинки, то, обращаясь к судьбе Д.Е. Васильева, можно отметить, что дорога его жизни очень схожа с дорогой России.

Судьба подарила этому человеку редкую возможность находиться у истоков сразу нескольких крупных начинаний. Тридцатилетним Дмитрий Ефимович попал на строительство гиганта тяжелой промышленности - завода Уралмаш, затем возглавил оборонный завод в Омске. В 1947 году в его

жизни начинается пора градостроительства. Два уральских города - Свердловск-45 (ныне Лесной) и Челябинск-70 (ныне Снежинск) могут считать его своим основателем.

О юности Дмитрия Ефимовича и годах, проведенных на Уралмаше, нам почти ничего не известно. Гораздо больше воспоминаний сохранилось о его работе в системе Первого главного управления при СНК (позднее - при СМ СССР) в Свердловске-45 и Челябинске-70. Рассказы об этом периоде жизни Д.Е. Васильева и легли в основу этого материала.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Дмитрий Ефимович Васильев родился 23 ноября 1902 года в поселке Суксунский завод Пермской губернии в крестьянской семье.

С 1918 по 1924 год работает слесарем на Суксунском механическом заводе, монтером, техником связи почтово-телеграфной конторы.

С 1924 по 1931 год - на культурно-просветительной работе. Прошел путь от сотрудника районного отдела до заместителя заведующего Уральским краевым отделом народного образования.

С 1931 по 1936 год - студент Уральского индустриального института.

С 1933 по 1945 год работает на Уральском заводе тяжелого машиностроения им. С.Орджоникидзе в должностях начальника отдела кадров, начальника производства.

С 1945 по 1947 год работает главным инженером, директором танкового завода № 174 (г. Омск).

С 1947 по 1955 год - директор завода "Электромехприбор" (г. Лесной).

С 1955 по 1961 год - директор НИИ-1011.

Инженер-полковник.

Награжден государственными наградами, в том числе тремя орденами Ленина (1942, 1944, 1953 годы), орденом Трудового Красного Знамени (1943 год), орденом Отечественной войны II степени, лауреат Государственной премии 1953 года.

Умер 8 марта 1961 года. Похоронен в Москве, на Ваганьковском кладбище.

ИСТОКИ

Дмитрий Ефимович Васильев родился 23 ноября 1902 года в поселке Суксунский завод Пермской губернии в крестьянской семье. Его отец, Ефим Григорьевич, почтовый ящик, умер в 1913 году. Семья жила на скудный заработок матери, Анастасии Захаровны, которой приходилось наниматься на поденные работы.

В 1918 году шестнадцатилетним подростком Дмитрий пришел на Суксунский механический завод, где около года проработал слесарем. Юность Васильева совпала с Февральской и Октябрьской революциями - событиями, коренным образом сломавшими привычный уклад жизни. На заводе он принял участие в работе большевистской организации и после того, как в 1919 году в поселок пришли белогвардейцы, под угрозой ареста вынужден был покинуть дом. Дмитрий переезжает в город Кунгур и поступает на работу в шестой участок связи Екатеринбургского Губотдела на должность монтера. В начале 1920 года он возвращается в родные места и продолжает работать в почтово-телеграфной конторе сначала монтером, а затем техником связи.

В 1921 году Д.Е. Васильев вступает в комсомол. В наше время принято замечать лишь то негативное, что принесло объединение молодежи в подобные организации. И забывают о том, что деятельность комсомольцев, особенно в первые годы, не ограничивалась лишь идеологией. Для молодых людей - выходцев "из низов", комсомольские ячейки прежде всего играли роль своего рода клуба, в котором можно было интересно провести время. И нет ничего удивительного, что веселый, эмоциональный, общительный молодой человек принимал

в деятельности местной комсомольской организации активное участие. Здесь и проявились качества, ставшие в дальнейшем определяющими в судьбе Васильева: стремление к лидерству, умение повести за собой людей, организаторские способности. Эти навыки воспитывались и оттачивались, когда он выступал с лекциями, рассказывая о прочитанных статьях или объясняя задачи новой власти.

По воспоминаниям земляков, Дмитрий стал руководителем, режиссером и исполнителем главных ролей в спектаклях организованного им драматического кружка. Дважды в неделю в поселке были премьеры, причем репертуар подбирался весьма серьезный - "На дне", "Лес". Организаторские способности юноши были замечены.

В 1924 году его выдвигают на культурно-просветительную работу. В сфере народного просвещения и культуры Дмитрий Ефимович проработал семь лет и за это время прошел путь от рядового сотрудника районного отдела до заместителя заведующего Уральским краевым отделом народного образования.

С марта 1927 года являясь членом ВКП(б), в 1931 году по партнабору он становится студентом машиностроительного факультета Уральского индустриального института¹. Во время обучения он трижды избирается секретарем парткома института.

С 1933 года начинается становление Д.Е. Васильева как администратора, хозяйственника. На третьем курсе института он переходит на заочное отделение в связи с назначением начальником отдела кадров только что построенного Уральского завода тяжелого машиностроения им. С. Орджоникидзе

¹ В настоящее время - Уральский государственный технический университет имени С.М. Кирова (УПИ). (Примеч. сост.)

(УЗТМ). Здесь, на Уралмаше, пройдут двенадцать лет его жизни. На первый взгляд его карьера была очень успешной - мастер, заместитель начальника цеха, начальник производства. Но в личном деле хранится документ, согласно которому ему, начальнику отдела кадров, был объявлен строгий выговор за потерю бдительности при подборе специалистов. Если вспомнить, что основанием для репрессий могла быть и меньшая провинность, становится ясно, что блестящая карьера Васильева могла оборваться в любой момент. Не меньшим испытанием были и следующие годы. Всю Великую Отечественную войну он провел на сложнейшем, ответственном посту - был начальником производства одного из крупнейших танковых заводов страны.

Вот что рассказывает о том времени Н.А. Голиков: "Осень 1942 года. Уральский завод тяжелого машиностроения, впитав в себя многие производственные мощности города и эвакуированных из западных областей предприятий, напряженно работает над освоением танка Т-34. С начала войны здесь уже было налажено производство танковых бронекорпусов, а теперь постановлением ГКО нужно делать и боевые машины.

На заводе "Металлист" — одном из филиалов Уралмаша, идет освоение производства танковых узлов и корпусных деталей. Цех по производству радиаторов. Для сборки сот из тонких штампованных медных пластин, прорезаемых плоскими трубочками, нужна специальная оснастка — кондуктор. Вроде бы и не мудреная конструкция. Две чугунных плиты с пазами под пластины, винтовой зажим, и собирай, разделявая проход для трубок специальной шпагой. Но оказалось, что на деле это не так-то просто. Требование к чугунным плитам — старение не менее восьми лет. А где их взять,

если задания все получены “вчера”? Свежеотлитые и тщательно обработанные плиты “ведет”, и сборка не получается, идет сплошной брак. Нервничают мастера, вконец измучились сборщицы-женщины. Что делать?

Начальник цеха, он же автор этих строк, ни жив ни мертв, вынужден доложить об очередном срыве графика на ночном оперативном совещании у директора филиала предприятия Омелюшкина в присутствии самого Бориса Глебовича Музрукова, директора УЗТМ, и второго секретаря обкома ВКП(б) Ю.С. Павлова.

Напряженность обстановки сегодня трудно представить. Немец рвался к Волге. Телеграммы ГКО и лично Сталина требовали наладить выпуск танков. Мы, руководители цехов, обещали министру танковой промышленности И.М. Зальцману решить задачу в срок, а тут такое — плита чугунная, видите ли, коробится...

Что снимут, накажут — об этом не думалось. Как выполнить задачу, не подвести стоящий за тобой коллектив — вот вопрос.

Доложил. Жду разноса. Омелюшкин рычит. Борис Глебович подзывает к себе Дмитрия Ефимовича Васильева — начальника производства УЗТМ — и что-то ему говорит. Вышли в приемную. Дмитрий Ефимович расспросил меня подетальнее и предложил приехать к нему утром. Было еще темно, когда мы с Васильевым уже были в первом литейном цехе Уралмаша, но не для того, чтобы заказывать отливки, а чтобы забрать готовые плиты, уложенные на пол в первые годы стройки, теперь уже выдержанные и, на наше счастье, подходящие по размерам.

Радость, наверное, была, но, главное, есть решение, а значит, и радиаторы, и вера в Победу.

Это, конечно, эпизод, но какой! И он характерен для того времени, для людей того поколения.

Потом, конечно, мне неоднократно приходилось по производственным делам общаться с Дмитрием Ефимовичем, и я очень жалею, что приехал в Челябинск-70, когда его уже не стало².

То, что Дмитрий Ефимович с честью прошел суровую школу руководителей сталинского времени, подтверждают полученные им награды - два ордена Ленина (1942 и 1944 годы) и орден Трудового Красного Знамени (1943 год) - за выполнение задания по производству танков.

В 1945 году Д.Е. Васильев получает новое назначение - становится главным инженером, а затем и директором одного из оборонных заводов г.Омска. В этом же году постановлением Совета Народных Комиссаров СССР ему присваивается воинское звание "инженер-полковник".

Два года спустя начинается новый этап его жизни. 6 июня 1947 года решением ЦК КПСС и СМ СССР Дмитрий Ефимович переводится в систему Первого главного управления³ при СМ СССР и назначается директором завода "Электрохимприбор".

Должность директора, равно как и научного руководителя (им стал крупный физик Лев Андреевич Арцимович³), была, а вот самого завода еще не было. Начинать пришлось даже не с пустого места - территорию, на которой должно было разместиться предприятие, еще предстояло найти. Комиссия, в

² Первое главное управление при Совете Народных Комиссаров образно 30.08.45 г. "для практического осуществления мероприятий, связанных с использованием атомной энергии"; 26.06.53 г. преобразовано в Министерство среднего машиностроения СССР. (В.Н. Михайлов, Я - истреб. Москва, Крон-Пресс, 1993г. с. 80.) (Примеч. сост.)

³ Арцимович Лев Андреевич (1909-1973 годы) - советский физик, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, Труда по атомной и ядерной физике, Лауреат двух Государственных (1953, 1971 годы), Ленинской (1958 год) премий. (Примеч. сост.)

составе которой был и Д.Е. Васильев, выбрала площадку для строительства завода и города (который получит название "Свердловск-45", сейчас г.Лесной), недалеко от поселка Нижняя Тура, в глухой тайге на севере Свердловской области.

Перед Д.Е. Васильевым и Л.А. Арцимовичем была поставлена задача - в кратчайшие сроки наладить производство по электромагнитному разделению изотопов. Задача была очень важной и необходимой для реализации атомного проекта СССР.

И началась работа. Одновременно шло возведение заводских корпусов и подбор кадров исследователей, технологов, химиков; строительство города и координация работ по выпуску на смежных предприятиях необходимого для завода оборудования.

Первые годы были очень тяжелыми. Жили в бараках, среди страшной таежной грязи. Резиденцией Дмитрия Ефимовича стал бывший домик тюремного служащего. Но задача - за два - два с половиной года построить и запустить уникальное, ранее не существовавшее производство по обогащению изотопом урана-235 - была выполнена. Первая продукция - обогащенный уран - была выдана заводом в декабре 1950 года. В это время перед предприятием была поставлена новая задача по производству значительного количества легкого изотопа лития - лития-6, необходимого для создания термоядерного оружия. Однако вскоре выяснилось, что технологию, отработанную в лабораторных условиях, невозможно применить на производстве. Выполнение поставленного задания было на грани срыва.

Вот как расценивают решение этой задачи старейшие работники предприятия: "По прошествии более чем сорока лет со времени описываемых событий трудно полно оценить смелость руководи-

лей предприятия, которые в обстановке жесточайшего контроля со стороны руководства Первого главного управления за наработкой нового продукта решили кардинально изменить технологию - от отработанной технологии перейти на совершенно неотработанную, но единственно возможную в данной ситуации. В начале 1952 года Л.А. Арцимович предложил выход из создавшегося тупика - использование в качестве рабочего вещества другого вида лития, подготовленного особо. Директор предприятия Д.Е. Васильев поддержал эту идею. К началу 1953 года было наработано необходимое количество дейтерида и гидрида лития-6, что позволило нашей стране создать и испытать 12 августа 1953 года первую в мире водородную бомбу¹.

За выполнение этого задания правительства Дмитрий Ефимович в 1953 году был удостоен звания лауреата Государственной премии и награжден третьим орденом Ленина.

С 1955 года "Электрохимприбор" становится серийным предприятием, а Д.Е. Васильев получает новое назначение. На Урале организовывался второй ядерный центр, и директором его решено было назначить именно Васильева. Нужно было оставить город, выраставший на глазах, и налаженное производство. Ему предстояло начать все сначала.

¹ А.В.Митюков, В.А.Шипулин.

“ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЕН...”

В марте 1955 года на 21 площадке⁵ произошло событие, взбудоражившее всех местных жителей. С производственного объединения “Маяк”⁶, более известного на Урале как “Сороковка”, приехала высокая комиссия. По поселку поползли различные слухи. Одни говорили, что на берегу Сунгуля вновь будет открыт санаторий, как до войны, другие уверяли, что здесь будет режимная зона, из которой все коренное население выселят. Однажды утром комиссия села в машины и поехала по лесной просеке (ныне превратившейся в улицу Морскую) к озеру Синара. Машины выехали на берег озера, заросший камышом, и остановились. Комиссия вышла на поляну и начала осматриваться. Самые смелые поднялись на старую деревянную вышку, скрипящую и раскачивающуюся под порывами ветра, и обозрели окрестности с высоты птичьего полета. Потом переехали на другое место (туда, где сейчас находится стадион им. Ю.А. Гагарина), осмотрелись и здесь. Затем комиссия разложила карту на капоте передней машины и обступила ее плотной стеной. Водитель головной машины сидел в автомобиле и не знал, что ему делать - выйти или остаться на месте. Вот как он описывает то, что произошло потом: “Мое внимание привлек один из членов комиссии, человек высокого роста, атлетически сложенный, в рыжей мохнатой шапке и меховом полупальто. Уловив мой пристальный взгляд, этот человек поманил меня к себе паль-

⁵ 21 площадка - условное название жилой и производственной базы ВНИИТФ, расположенной на берегу о. Сунгуль. С 1947 по 1954 год здесь располагалась лаборатория “Б”, в которой проводились исследования в области генетики и радиохимии. (Примеч. сост.)

⁶ Производственное объединение хлзкомбинат “Маяк”, расположенный в г. Челябинск-65 (ранее Челябинск-40, ныне Озёрск), основанный в 1946 году. (Примеч. сост.)

цем. Я подошел к нему. Он обнял меня за плечи одной рукой и повел к кромке озера. По-петровски вскинув вторую руку в сторону противоположного берега, он сказал: "Здесь, Леня, будет город заложен!" Я как громом был поражен его словами. Как этот человек узнал, что меня зовут Леня и что в лесу будет построен город?"

Вскоре предсказание загадочного незнакомца (им оказался Д.Е. Васильев) стало сбываться. На лесных просеках началось оживленное движение - машины со строительными материалами, несколько полков солдат-строителей. И в тайге стал возникать город. Девизом строительства стали слова Дмитрия Ефимовича о том, что у города не должно быть окраин. Никаких бараков, деревянных временок - строили основательно и на долгий срок.

Старожилы, вспоминая первые годы существования города, спорят сейчас - что появилось раньше - жилые дома или производственные корпуса? Но дело в том, что строилось все одновременно: прокладывались железные и автомобильные дороги, закладывались фундаменты жилых зданий и промышленных объектов. Строительство города осуществлялось по плану, предложенному ленинградским архитектором М.И. Пищеровым, который до этого разработал проект Челябинска-65. Дмитрий Ефимович план в целом поддержал и оказывал Пищерову, а затем и Н.М. Иванову - начальнику строительства - свою поддержку как официальную, так и чисто человеческую.

Спорные моменты, если они возникали, Д.Е. Васильев стремился разрешить не приказным порядком, а путем убеждения собеседника. Вот одна из таких ситуаций: Д.Е. Васильев и М.И. Пищеров никак не могли договориться, где должен располо-

житься городской пляж и следует ли отделять его лесом от города. Для окончательного выяснения вопроса они, взяв с собой несколько сопровождающих, приехали на спорное место. Но и это не помогло. Тогда Дмитрий Ефимович предложил Пищерову вооружиться прутиками и, действуя ими, как шпагами, в честном бою выяснить отношения. Они удалились в лес. Через какое-то время их спутники увидели, что Васильев и Пищеров о чем-то доверительно беседуют. А спустя еще несколько минут оба, вполне примиренные, вернулись к машине. Заметив, что все взгляды сопровождающих устремлены на тонкие веточки, которые собеседники держали в руках, Васильев быстро выхватил у Пищерова его прутик и с победной улыбкой сломал его. Вопрос был решен - лесная зона была сохранена.

Кстати, эта черта - убедить, а не приказать - была очень характерна для нашего первого директора. О ней неоднократно вспоминали люди, знавшие Дмитрия Ефимовича.

Но официальная поддержка плана строительства - это еще не все. У Д.Е. Васильева было свое представление о том, каким должен быть Снежинск. Он предвидел проблемы, которые возникнут у горожан через месяц, год, десять лет, и старался заранее разрешить их. Одними из первых были построены общежития (позднее здесь расположилось Управление института - специальных административных зданий не строилось). Затем настала очередь яслей, детских садов, школы.

31 октября 1957 года был сдан в эксплуатацию первый жилой дом города. Новоселы - среди них была семья Б.И. Беляева, рассказавшего эту историю, - радостно устраивались на новом месте, когда подъехала машина и из нее вышел директор.

Дмитрий Ефимович тут же попал в кольцо людей, наперебой приглашавших его отпраздновать с ними новоселье. Васильев рассудительно заметил, что если он зайдет в каждую семью хотя бы на несколько минут, то это будет что-то около тридцати рюмок со всеми вытекающими отсюда последствиями. И предложил компромисс - он пойдет в гости "по жребии" и в одной семье отпразднует заселение всего дома. Тут же по кругу была пущена шапка с фамилиями жильцов. К кому в конце концов попал в гости директор, история умалчивает, но результатом все были довольны.

Одновременно велись работы и на промышленных площадках: здания теоретиков и конструкторов, испытательные комплексы, цехи экспериментального завода. За этой частью строительства министерство^{*} наблюдало особенно пристально. Одно время в Москву даже высылали альбом с фотографиями в качестве отчета о проделанной работе.

Конечно, не обходилось и без проблем. Корпус одного из домов, построенный в зимнее время, весной 1958 года вдруг дал трещину - дом разваливался буквально на глазах. Николаю Маркеловичу Иванову, возглавлявшему управление строительства, пришлось срочно монтировать дополнительные укрепления-подпорки. Но когда дом был сдан в эксплуатацию, горожане не спешили в него переселяться. Лишь тот факт, что в этом же доме получил квартиру и въехал в нее Юрий Николаевич Артамонов, будущий заместитель директора по капитальному строительству, окончательно успокоил новоселов.

Но строительство зданий - это еще не все. В уральской тайге, по планам Д.Е. Васильева, должен был возникнуть город, не просто пригодный

^{*} Министерство среднего машиностроения. (Примеч. сост.)

для жилья, а максимально удобный. Этому должны были способствовать и прекрасные дома со всеми удобствами (как известно, первые дома города до сих пор считаются самыми комфортабельными), и улицы, полные зелени и цветов. К работам по благоустройству города привлекались абсолютно все горожане - от школьников до пенсионеров. Первым вменялось в обязанность следить за сохранностью газонов и приводить нарушителей "на ковер" лично к директору. Привычным явлением были субботники, неизменным участником, а часто и организатором которых был Дмитрий Ефимович. Специально для озеленения города был разбит цветочный питомник. На улицах были высажены яблони, вопреки мнению скептиков, что деревья будут сломаны любителями дармовых угощений.

Старожилы вспоминают занятную историю, связанную с появлением в городе канадских кленов. На 21 площадке, недалеко от общежитий, была прекрасная кленовая аллея. Деревья росли так часто, что их ветви образовали зеленый коридор. И вот однажды утром жители 21 площадки увидели, что часть деревьев окопана и подготовлена к пересадке. Инициативная группа добровольцев тут же закопала их обратно, прикрыв землю свежим дерном. Но через несколько дней деревья все же были выкопаны и увезены, как потом оказалось, в город. Тогда молодежь 21 площадки, возмущенная грабежом, направила к директору Владислава Ивановича Никитина - в ту пору молодого специалиста - с жалобой на беззаконие. Оказалось, что сам Дмитрий Ефимович и был инициатором этой акции. Он терпеливо объяснил В.И. Никитину как представителю комсомольцев, что город, которому предстоит расти и стать не просто местом прописки, а малой родиной для многих людей, нуж-

дается в зеленых насаждениях и что большого ущерба 21 площадке такая "операция" не нанесет.

Д.Е. Васильев очень внимательно относился к тому, чтобы сохранить, не нарушить красоту того места, в котором расположился город. "Когда приступили к массовому строительству жилья, Дмитрий Ефимович распорядился об охране лесного массива вдоль озера, на берегу которого вырос наш город, и даже требовал сохранить деревья внутри жилых кварталов. Он говорил начальнику строительной организации Николаю Маркеловичу Иванову, что за каждое загубленное дерево будет очень строгий спрос. Н.М. Иванов распорядился, чтобы лес был взят в легкую изгородь, а доступ туда строителям запрещен. В наши дни сохраненный лес стал городским парком"⁹.

Снежинск возникал в тайге как островок жизни. И очень важно было преодолеть естественную изоляцию города от культурных и научных центров. Дмитрий Ефимович хорошо понимал это. Этот принцип - делать для людей все возможное - был присущ Васильеву в течение всей его жизни. Еще в Свердловске-45 был случай, когда Дмитрий Ефимович купил для городского Дворца культуры роскошную люстру. За подобное расточительство ему был объявлен выговор, а министерство¹⁰, объявившее этот выговор, долгие годы, желая привести пример рачительного хозяйствования, предлагало посетить Дворец культуры Свердловска-45. Он гордился выговором, полученным за перерасход асфальта - ведь выговор со временем снимут, а хорошая дорога останется.

Уже в 1956 году на 21 площадке была открыта музыкальная школа. В 1958 году начало работу ве-

⁹ П.Я. Усиков.

¹⁰ Министерство среднего машиностроения. (Примеч. сост.)

чернее отделение филиала МИФИ¹¹. Люди, приехавшие сюда молодыми специалистами с незаконченным высшим образованием, помнят, как, предлагая им ехать в юный город, директор обещал открыть филиал института даже для двух-трех человек. В это трудно было поверить. И тем больше было удивление, когда Дмитрий Ефимович выполнил свое обещание.

Было начато сооружение спортивного комплекса. И поскольку строительство, несмотря на все усилия Васильева, затягивалось, а спортплощадки молодым сотрудникам института были просто необходимы, то, по инициативе директора, на территории нынешнего парка были построены хоккейный корт и футбольное поле. Уже был на стадии утверждения проект создания закрытого хоккейного корта, но преждевременный уход на пенсию первого научного руководителя К.И. Щелкина и скоропостижная смерть Д.Е. Васильева не позволили осуществиться этим планам.

Когда стало ясно, что Дворец культуры, несмотря на все усилия директора, будет построен нескоро, по его инициативе за несколько субботников из подсобных материалов был сооружен клуб "Темп".

Огромная личная заслуга наших первых руководителей - Д.Е. Васильева и К.И. Щелкина - в том, что в Снежинске был построен первый в городах нашей системы и один из первых на Урале крытый плавательный бассейн. Вот что рассказывает об этом П.Я. Усиков: "Однажды мне позволил Дмитрий Ефимович и распорядился, чтобы я нашел начальника проектного отдела Александра Евгеньевича Россинского и вместе с ним пришел к нему. Когда мы пришли в кабинет Дмитрия Ефи-

¹¹ В настоящее время - Снежинский физико-технический институт. (Примеч. сост.)

мовича, он сразу, не теряя времени, сказал, что есть рисунок и описание плавательного 25-метрового бассейна в журнале "Техника - молодежи" и нужно решить вопрос, как построить в нашем городе бассейн при отсутствии проектной документации, финансирования и, главное, в условиях действующего запрета строить подобные объекты, и тут же предложил свой план действия. По этому плану предусматривалось создание оргкомитета по строительству бассейна на общественных началах. Председателем комитета было решено избрать Кирилла Ивановича Щелкина, а меня и А.Е. Россинского - членами комитета. Распределили обязанности - Россинскому по рисунку и описанию выпустить рабочие чертежи, мне было поручено "поднять" комсомольцев на земляные работы в неурочное время. Кирилл Иванович Щелкин должен был сыграть решающую роль в преодолении запрета строить бассейн, так как в те годы действовало постановление правительства, запрещающее строительство административных зданий, спортивных и зрелищных сооружений.

Было выбрано место, сделана привязка на местности и геодезическая разбивка здания плавательного бассейна, началась дружная работа по рытью котлована. Земляные работы, производившиеся вручную, довольно скоро были приостановлены, так как под небольшим слоем земли оказалась скальная порода, взять которую можно было только техникой. Наши радужные планы становились нереальными¹². О том, как развивались события дальше, рассказывает свидетель тех событий: "Несколько раз они¹³ просили по очереди у министра¹⁴ раз-

¹² П.Я. Устинов.

¹³ Д.Е. Васильев и К.И. Щелкин. (Примеч. сост.)

¹⁴ Е.П. Славский - министр среднего машиностроения с 1957 по 1986 год. (Примеч. сост.)

решение построить бассейн. Министр им отвечал: "Почему я должен вам разрешить, если на старых объектах бассейнов нет?!" Они продолжали настаивать. Славский как-то сказал Васильеву: "Если я услышу еще раз о бассейне, то плохо тебе будет, смотри у меня!"

На тайном совещании было решено "обойти" министра. Как-то раз К.И. Шелкин был на приеме у председателя СМ РСФСР и как бы между прочим попросил разрешения построить бассейн.

- А деньги у вас есть?

- Да деньги есть, стройматериалы есть, все есть. Разрешите построить!

Тот и разрешил.

В этот же день (дело было в пятницу вечером) по сигналу из Москвы в городе был объявлен строительный аврал, целью которого было возведение коробки здания за выходные дни. В понедельник утром об этом узнал министр. Васильев и Шелкин были вызваны для дачи объяснений.

- Я же вас предупреждал, что я запрещаю строить!

- Так все уже построено. Давайте команду теперь, чем сносить: бульдозером или как?

- Хорошо, если здание уже есть, продолжайте строительство. Но если стен еще нет, а только фундамент, то мой запрет остается в силе.

Позвонив в город, Славский распорядился доложить ему о состоянии строительства бассейна. Ему ответили, что крышу уже подвели, заканчивают выкладывать ванную. Министру осталось только рассмеяться: "Все-таки обвели вы меня вокруг пальца"¹⁵. Так появился в нашем городе плавательный бассейн "Урал".

В годы своего директорства Д.Е. Васильев оказывал мощную поддержку подшефному совхозу,

¹⁵ Ф.К. Шелкин.

считая, что наш город должен иметь свое подсобное хозяйство. Его мечтой было создание возле города собственной пчелиной пасеки.

Методы его воздействия на хозяйственников были весьма нетрадиционными. В те годы в совхозе работали немцы, переселенные из Поволжья, и порядок в хозяйстве был отменный. На одном совещании Дмитрий Ефимович выставил на стол хлеб и тарелку с огурцами - совхозные продукты - и предложил собравшимся попробовать. Все согласилось, что и то, и другое очень вкусно. Тогда он поставил перед приглашенными вопрос о качестве хлеба, выпекаемого в городе. Итогом обсуждения стала покупка нового оборудования для хлебопекарни. Беседа с начальником ОРСа Е.М. Голиковым об Урале и его кулинарной специфике завершилась предложением купить машину для изготовления фирменного уральского блюда - пельменей.

Отличительная черта Д.Е. Васильева - все доводить до конца. К сожалению, эта особенность оказалась присущей не всем его преемникам, и многие прекрасные начинания были загублены, планы так и остались нереализованными. Так произошло с городским аэродромом. С большим трудом, воспользовавшись приездом в Снежинск летом 1957 года министра М.Г. Первухина¹⁶, удалось достать для города самолет АН-2. Самолет позволял добираться до Челябинска или Свердловска за 30-40 минут, в то время как на машине до областных центров приходилось ехать 4-5 часов по старой, разбитой дороге. После смерти Дмитрия Ефимовича самолет был передан другой организации. На месте аэродрома сейчас картофельное поле...

¹⁶ М.Г. Первухин - министр среднего машиностроения СССР с 30.04.57 по 24.07.57 г. (Примеч. сост.)

“А мне о Дмитрие Ефимовиче напоминает построенная по его инициативе ротонда со смотровой площадкой на берегу Синары. В этом вообще-то незатейливом сооружении просматривается и деловитость, и заботливость, и любовь к природе, к Уралу, к красоте, к людям, все то, чем был богат Дмитрий Ефимович. И мне кажется, что эмблемой города мог бы стать силуэт ротонды на фоне озера и леса. Это было бы достойным увековечиванием имени основателя города и первого директора института”¹⁷.

Трудно перечислить все идеи Дмитрия Ефимовича, воплощенные им в жизнь, или те, которые были реализованы уже после его смерти. Та роль, которую сыграл в становлении города и института Д.Е. Васильев, не просто громадна - она уникальна и неповторима. За годы его директорства - с 1955 по 1961 год - была создана и налажена практически вся хозяйственная база института. И город, и институт, существенно выросшие за прошедшие четыре десятилетия, до сих пор работают и живут. Какой же огромный запас прочности заложил в план развития Снежинска этот человек!

¹⁷ Н.А. Голанов.

ВО ГЛАВЕ ИНСТИТУТА

Однако строительство - лишь одна сторона деятельности Дмитрия Ефимовича как директора института. Не следует забывать, что с первых дней своего существования институт выполнял конкретную оборонную работу. Часть научных сотрудников в первые годы еще оставалась в Арзамасе-16¹⁸, но часть исследований уже велась в Сунгуле¹⁹, а затем - и во вновь построенных зданиях промышленных площадок. Налаживание работы института тоже было предметом неустанной заботы Д.Е. Васильева.

То, что именно Дмитрий Ефимович являлся директором института, было очень важным обстоятельством для НИИ-1011. Дело в том, что Васильев был чрезвычайно популярным на Урале человеком, пользовавшимся исключительным авторитетом и уважением среди директорского корпуса Свердловской и других областей. И этот авторитет невольно переносился и на молодую организацию, и на сотрудников, которых Дмитрий Ефимович активно "выводил в свет", представляя их своим знакомым и прося оказывать его специалистам такое же содействие во всех делах, как и ему самому. К "уральскому самородку", как называли Васильева в Свердловске, земляки относились с большой теплотой. Иногда эта теплота согревала его и окружающих его людей в прямом смысле этого слова.

Л.Ф. Клопов вспоминает, как однажды зимой группа сотрудников во главе с Васильевым возвращалась из командировки. Добираться до города из

¹⁸ Город, в котором с декабря 1946 года работает институт, ныне называемый ВНИИ-ЭФ - Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики. (Примеч. сост.)

¹⁹ Сунгуль - местное название 21 площадки, прогнойно от названия озера Сунгуль. (Примеч. сост.)

свердловского аэропорта "Кольцово" предстояло несколько часов. Стояли лютые морозы, а ехать нужно было в слабоотапливаемом автомобиле. Дмитрий Ефимович позвонил по телефону в две организации и попросил привезти в аэропорт восемь пар чулок из собачьей шерсти. Реакция на обращение Васильева была мгновенной - делегация была "утеплена" в рекордно короткие сроки и смогла без потерь добраться до дома.

В первые годы он благодаря своим связям временно устраивал на предприятиях Урала приехавших в наш институт молодых специалистов, размещал на военных заводах наши заказы. В самом начале деятельности института существовала острая нехватка налаженного производства, но задачи уже были поставлены, и их необходимо было выполнять. Дмитрий Ефимович, зная, что в Свердловске находится завод, эвакуированный из Ленинграда и имеющий репутацию очень хорошего исполнителя в области приборостроения, встретился с директором этого предприятия и сумел убедить его перейти в систему нашего министерства. Сейчас это предприятие известно специалистам как "три тройки"²⁰.

Очень интересно складывались его отношения с сотрудниками института. Д.Е. Васильев пришел на новую работу с большим опытом командира производства, и "как он сам говорил, налаженную серию он просто любил. Но он сразу нашел контакт с учеными. По вечному вопросу об изменениях в чертежах (ох эти ученые) говорил, что они неизбежны, но нужна мера"²¹. Отношения его с К.И. Щелкиным поначалу были непростыми - столкнулись два сильных характера, но затем они сумели найти точки соприкосновения, разграничить сфе-

²⁰ Официальное название - Уральский электромеханический завод. (Примеч. сост.)

²¹ Е.И. Зайбакин.

ры влияния. В первые годы существования ВНИ-ИТФ “первым человеком” института, несомненно, являлся научный руководитель. Несмотря на то, что официально ответственность была разделена поровну между директором и научным руководителем, на деле Д.Е. Васильев во многом являлся проводником воли К.И. Щелкина.

Д.Е. Васильев редко сидел в кабинете. Официальным днем разъездов была пятница. Он мог появиться на любом объекте - на стройке, в прачечной или школе. Его часто видели на площадках, в комнатах теоретиков, конструкторов, в заводских цехах. Он ходил по рабочим местам, лично выясняя условия труда сотрудников, интересуясь возникающими проблемами и тем, как их собираются решать. Вот как вспоминает об этом Н.Н. Яненко: “Дмитрий Ефимович часто разъезжал, потому что дело только создавалось, надо было где-то и что-то добывать, пробивать. Но как только он бывал на площадке, он нас обязательно посещал. Он очень любил третий сектор²². Может быть, это казалось нам. И любой другой руководитель или сотрудник мог сказать, что и их коллектив любил Дмитрий Ефимович. По-видимому, любил всех. Сердце у него было щедрое. В каких бы тяжелых условиях мы ни были, на его лице всегда была улыбка. Он замечал наш энтузиазм. Был очень внимателен к людям”²³. Его интересовало все - от крупных проблем, таких, как ввод в строй очередного цеха, до бытовых “мелочей” и условий работы введенных ему людей. “Когда наш 106 цех переехал с 21 площадки, я хорошо помню, что в новом здании было неуютно и холодно. Стоило мне заикнуться об этом Дмитрию Ефимовичу, как на дру-

²² Математическое отделение института. (Примеч. сост.)

²³ Н.Н. Яненко.

гой же день он побывал в цехе"²⁴. Тогда и состоялась беседа с начальником цеха Г.С. Лбовым, на которой разговор пошел о ковре и, как ни странно это прозвучит, пальмах. Именно этими экзотическими для Урала деревьями предстояло украсить 106 цех, да и не только его. А теперь давайте вспомним время, в которое происходил разговор. Конец 50-х годов. Институт только-только становится на ноги, строительство производственных и конструкторских корпусов в самом разгаре, не хватает самого необходимого. И среди всей этой горячки вместе с оборудованием в адрес НИИ-1011 приходят вагоны с пальмами. Может быть, кто-то скажет, что это было несвоевременно. Жизнь доказывает обратное - именно в те, первые годы существования института создавалась культура производства, несмотря на все невзгоды, сохранившаяся и в наше непростое время. И на то, в каком виде ходят по цеху сотрудники, обращал внимание Васильев. Г.С. Лбов вспоминает, как во время одного из посещений цеха Дмитрий Ефимович отвел его в сторонку от свиты и говорит: "Ты начальник цеха, я тебя завтра, может, в Женеву в командировку пошлю, а ты даже галстук не носишь". Командировки в Женеву Герман Степанович, конечно, так и не дождался, но галстук с тех пор стал носить.

Стремясь создать на рабочих местах наилучшие условия, Д.Е. Васильев и от самих сотрудников требовал бережного отношения к тому, что их окружает. Вскоре после того, как были построены новые здания гаражей, Дмитрий Ефимович заинтересовался у своего водителя, как его коллеги чувствуют себя на новом месте, и получил восторженный ответ: "Как в раю!" Директор распорядился ехать в этот рай. Приехав на автобазу, Л.П. Комиссаров

²⁴ Г.Д. Густов.

увидел то, чего раньше не замечал. В боксах для машин валялись осенние листья, на полу - масляные пятна, на стенах - копоть от выхлопных газов. Увидел это и Васильев. Он немедленно приказал собрать всех сотрудников и резко отчитал их за грязь, пригрозив, что если подобное повторится, то автобаза будет переведена на старое место, в деревянные здания.

По той же причине - грязь в помещении - на три дня был закрыт 101 цех. Однажды директор пришел в цех и обнаружил мусор на полу. Он тут же выключил рубильник и приказал все убрать. На следующий день он снова появился в цехе. Пол был чистый, но в ящиках для инструментов была грязь. На третий день он обнаружил пыль в шкафах. Лишь после наведения полного порядка работа была продолжена.

А визиты Васильева в цехи на этом не прекратились, причем чистоту он проверял очень своеобразно - проводя белоснежным носовым платком по оборудованию. "Помню, как он шутя говорил: "Наступит то время, когда вы будете ходить в шелковых халатах, а у входа в цех вам будут делать маникюр"²⁵.

Как руководителя Дмитрия Ефимовича отличала высокая требовательность к себе и окружающим его людям. Пустых обещаний он и сам не давал, и другим не советовал так поступать. Его фразу - "Изучите возможности выполнения, а затем обещайте" - хорошо запомнили те, кто с ним работал. Но уж если пообещал, то должен сделать.

Вспоминают такую ситуацию: велась установка и ввод в эксплуатацию первой на Урале и в Сибири электронно-вычислительной машины "Стрела". Одним из руководителей этого проекта был

²⁵ Г.Д. Густова.

Армен Айкович Бунатян²⁶, пользовавшийся большой любовью и уважением Васильева. Однако некоторая нерасторопность Армена Айковича, проявленная им при монтаже "Стрелы", вызвала гневное замечание директора: "Бунатян уподобился бревну на дороге - лежит и мешает движению автомобилей". Следует отметить, что это вовсе не испортило его личных отношений с Бунатяном.

Споры, возникавшие на проводимых им совещаниях, разрешались очень оригинально. Однажды долго обсуждался какой-то производственный вопрос, но присутствовавшие никак не могли прийти к согласию. Дело было жарким летним днем. Васильев, которому надоело слушать ни к чему не приводящие пререкания, объявил перерыв, посадил всех в машину и отвез на природу. Там уже был накрыт стол с чаем и бутербродами, затем состоялось купание в озере. Под горячими лучами солнца, среди прекрасной уральской природы растаяли все противоречия. Спорщики разбились на небольшие группы и мирно обсудили все вопросы. Когда через час совещание в кабинете Васильева было продолжено, оказалось, что все проблемы уже решены.

Д.Е. Васильев понимал, что его высокий пост - это не привилегия за личные достоинства, что положение накладывает на него ответственность не только за благополучие, но часто и за судьбу того или иного сотрудника. Одна из ситуаций, подтверждающих эти слова, описана Е.А. Феоктистовой: "Помню эпизод тех лет, когда администрация имела право отказывать работнику в его просьбе об увольнении. Дмитрий Ефимович лично рассматривал такие заявления в присутствии заявителя и на-

²⁶ Армен Айкович Бунатян - с 1951 по 1955 год работал во ВНИИЭФ, с 1955 по 1978 год - заместитель начальника, затем начальник математического отделения ВНИИТФ. Доктор технических наук, лауреат Ленинской премии.

чальника соответствующего подразделения. Рассматривалось заявление паренька из нашего отдела, недавно принятого в институт, выпускника ГПТУ. Он просил уволить его с предприятия, так как ему трудно и тоскливо без матери в нашем городе. Паренек предстал перед Дмитрием Ефимовичем и, говоря о матери, даже прослезился. Дмитрий Ефимович взглянул на паренька, вздрогнул и тут же распорядился: "Отпустим!"

Понимая, что люди приходят на прием к директору с "наболевшим", Дмитрий Ефимович никогда не позволял себе уклоняться от таких встреч и требовал подобного отношения от всех сотрудников администрации. Один из жителей Свердловска-45 вспоминает, как он однажды пропустил заседание комиссии по личным вопросам, предпочтя спокойно провести время на партийном собрании. Когда Васильев, в то время еще директор "Электрохимприбора", узнал об этом, он вызвал его к себе и в течение получаса "разносил" его за пренебрежение интересами подчиненных. Эта беседа произвела на сотрудника "Электрохимприбора" столь глубокое впечатление, что он не только запомнил ее на всю жизнь, но и в дальнейшем за тридцать с лишним лет работы никогда не позволил себе "предпочесть партсобрание заседанию комиссии".

С другой стороны, Дмитрий Ефимович зачастую не дожидаясь, когда к нему обратятся за помощью. А.В. Митюков вспоминает свой первый приезд в командировку в Свердловск-45. Только вышел на работу, как ему передали, что его вызывает директор. Анатолий Владимирович шел на встречу, терзаясь многочисленными вопросами. Зачем его вызывает директор? Откуда он вообще узнал о приезде, да и о самом существовании молодого специалиста? С некоторой робостью он переступил по-

рог кабинета. Навстречу из-за стола поднялся высокий, атлетически сложенный мужчина и, обращаясь к вошедшему по имени-отчеству, предложил садиться. А затем не торопясь, подробно расспросил, как тот устроился в гостинице, где собирается питаться, к кому и зачем приехал и не нужна ли ему какая-нибудь помощь от него, Васильева. В конце беседы еще раз посоветовал в случае необходимости обращаться прямо к нему. Обращаться за помощью, как вспоминает Анатолий Владимирович, не пришлось, но такое внимание запомнилось на всю жизнь.

Кстати, неоднократно бывая на приеме у Дмитрия Ефимовича, Митюков отмечает, что никогда не видел, чтобы людям приходилось долго ожидать встречи с директором, часами сидя в приемной. Видимо, с уважением относясь как к своему, так и к чужому времени, он так четко соблюдал время и график приема, что очереди не возникало.

Очень доброжелательный и ровный в отношениях с людьми, Д.Е. Васильев мог высказать и свое неудовольствие, если кто-то халатно относился к исполнению своих обязанностей или начинал "качать права", не считаясь с естественными трудностями периода становления города и института. В таких случаях он был довольно резок, но ведь и ситуации были соответствующие.

Однажды Д.Е. Васильев, будучи еще директором комбината "Электрохимприбор", получил из министерства телеграмму, в которой сообщалось, что выполнить заказ предприятия на поставку трех тысяч тонн редкого металла невозможно, поскольку это чуть меньше годовой нормы производства этого металла в стране. Дмитрий Ефимович вызвал начальника отдела снабжения. Тот признался, что вышла ошибка - хотели заказать три тонны, и по-

обещал все исправить. Через месяц из министерства опять пришла телеграмма: "Уважаемый Дмитрий Ефимович, не заказывайте три тысячи тонн металла". Начальник отдела снабжения, вызванный для объяснений, искренне удивился: "Ну надо же, опять ошиблись!" Васильев довольно резко сказал ему, что такие ошибки компрометируют все предприятие, и приказал взять этот вопрос под контроль. Спустя еще один месяц из Москвы пришла третья бумага аналогичного содержания. Вот как описывает то, что произошло потом, случайный свидетель. Начальник отдела снабжения вошел в кабинет. Дмитрий Ефимович встал и молча протянул ему телеграмму. И пока тот читал сообщение о злополучных трех тысячах тонн, Васильев медленно тянул к себе мраморную подставку для бумаг, стоявшую на столе. Когда незадачливый сотрудник поднял глаза от телеграммы, мраморный прибор с огромной силой врезался в столешницу и пробил ее. Только кусок мрамора, просвистевший около головы злосчастного снабженца, спас его от дальнейших раскатов директорского гнева.

Но даже в состоянии сильного раздражения Дмитрий Ефимович не позволял себе срывать гнев на невиновных, а если такое и случалось - обязательно извинялся, признавая, что его ввели в заблуждение. "Однажды я был вызван в кабинет Дмитрия Ефимовича и увидел его в состоянии крайней раздраженности, что не было для него характерно. Он, вышагивая по своему довольно большому кабинету, начал меня отчитывать. В первые минуты я не понимал, что так его взволновало и почему он в таком гневе. Потом понял, о чем идет речь, и стоял молча, ожидая, когда он закончит свою гневную тираду. Когда наконец наступила возможность внести ясность в то событие, которое так потрясло

Дмитрия Ефимовича, он остановился около меня и стал внимательно слушать мои объяснения. После чего молча подошел к своему рабочему столу, что-то там взял, снова подошел ко мне, извинился за "сцену", сказал, что он был не прав, что его ввели в заблуждение, и подарил мне компактный телескопический мундштук"²⁷.

Поскольку Дмитрий Ефимович постоянно бывал "на людях", к нему часто обращались с различными просьбами. Но когда бы к нему ни обратились, он всегда внимательно выслушивал человека, не ссылаясь на занятость или личные обстоятельства.

Д.Е. Васильев обладал еще одним качеством, редким для руководителя. Он вел себя так просто и естественно, проявляя живой человеческий интерес к окружающим его людям, что это невольно располагало к нему даже незнакомых. В общении с ним люди не чувствовали себя стесненными его "начальственностью". Почти всех сотрудников Дмитрий Ефимович мог назвать по имени-отчеству, знал домашние проблемы многих.

Вот как описывает свое знакомство с ним Лидия Петровна Строцева: "1955 год. Эшелон со специалистами и оборудованием после долгого и нелегкого путешествия пришел на Урал. Мы и Стахановы приехали с маленькими детьми. Нас сразу поселили в коттедже, там уже была расставлена кое-какая мебель, мы начали возиться, разбирая вещи. Вдруг приходит такой большой-большой человек с большими руками, а в руках - банка с молоком.

- У вас маленький ребенок?

- Да.

- Я ваш директор, зовут меня Дмитрий Ефимович Васильев. Завтра придет женщина, вы дого-

²⁷ П.Я. Усиков.

воритесь с ней, чтобы она вам носила молоко, а вот вам первое.

Позже я узнала, что на территории Сунгуля было две зоны и этой женщине специально выписали пропуск, чтобы она могла носить молоко. И потом, когда мы переехали в город, в первые же дни Дмитрий Ефимович приехал к нам узнать, как мы устроились на новом месте. Он беспокоился о всех нас, был нам вместо отца”²⁸.

Д.Е. Васильев заботился об окружающих независимо от того, были это его сотрудники или посторонние люди. Об одном из таких эпизодов рассказывает его личный водитель: “Однажды мы возвращались из районного центра. В попутном направлении шли по дороге два пешехода - пожилой мужчина и мальчик. Погода была ненастная, осенний дождь со снегом, распутица. Зная, что Дмитрий Ефимович не отнесется безразлично и мы не проедем мимо этих двух пешеходов, я стал беспокоиться и вдруг слышу: “Подвезем”. Я стал упрашивать Дмитрия Ефимовича этого не делать, так как нам через два километра сворачивать, эти люди не наши попутчики, им надо дальше в прямом направлении, к тому же на наших сиденьях белые крахмальные чехлы. “Постираешь”, - сказал Дмитрий Ефимович и приказал остановиться. У меня оставалась последняя надежда на то, что эти люди, открыв дверцу машины, увидят белые чехлы и откажутся садиться. К моему ужасу, первым юркнул в машину мальчик, за ним кряхтя влез старик, оставляя абстрактные картины на белых чехлах от забрызганного грязью мокрого плаща. Глядя на мое волнение, Дмитрий Ефимович понимающе улыбался. Попутчиками оказались дед и внук. Дед для Дмитрия

Ефимовича оказался приятным собеседником. Незаметно проехали километры до нашего поворота, я остановился. Дмитрий Ефимович прервал разговор с пассажиром и дал команду: "Прямо". А это значило довезти наших пассажиров до села за 18 км, что и было сделано"²⁹. Вообще старожилы вспоминают, что не было случая, чтобы Васильев ехал в машине один. В те годы сообщение между городом, промышленными площадками и 21 площадкой было очень плохое. И Дмитрий Ефимович, проезжая мимо остановки, обязательно останавливался и сажал в машину столько людей, сколько туда помещалось.

Еще один эпизод, рассказанный личным водителем директора: "Хорошо помню, как был совершен шоферский обряд с участием Дмитрия Ефимовича. А было дело так: от нашей городской партийной организации на областную партконференцию были избраны восемь человек: Д.Е. Васильев, Н.В. Салтыков, Е.И. Забабахин, Г.А. Карлыханов, Е.М. Голиков, Ю.А. Зысин, П.А. Есин и я - водитель (для сочетания полезного с приятным). В дороге Дмитрий Ефимович напомнил мне, что до начала регистрации делегатов областной партийной конференции осталось 50 км расстояния и 50 минут времени. Моя задача состояла в том, чтобы уложиться в эти расчеты. Никто из моих пассажиров не знал, что через 11 километров у моей машины будет пробег 100.000 км, при котором водитель должен совершить свой шоферский обряд. Последние километры быстро таяли, приближалось показание спидометра "100.000 км". Меня охватило волнение, как отнесутся и среагируют на шоферский ритуал мои спутники, не скомпрометирую ли я этим Дмитрия Ефимовича, не про-

²⁹ Л.П. Комиссаров.

изведу ли я впечатления, что я не в своем уме. На спидометре появились нули, я резко остановил машину, чем прервал спокойную беседу своих пассажиров. Дмитрий Ефимович спросил меня: "Леня, что случилось?" Я стал объяснять, показывая на нули спидометра, что надо совершить шоферский обряд.

- А в чем он заключается?
- Я должен сделать три круга вокруг машины.
- Ну и бегай.

Я вылез из машины, погладил рукой крыло автомобиля и с теплым чувством к машине, которая не подвела меня ни разу, побежал, делая первый круг. Перед дверцей, где сидел Дмитрий Ефимович, я вынужден был остановиться, так как она открылась и из машины стал выходить директор. Я ожидал, что меня водворят в машину и прикажут ехать дальше. А Дмитрий Ефимович, повернувшись к сидящим, сказал:

- А вы что сидите?
- А что нам делать?
- Бегать всем три круга вокруг машины за

Леней.

Сразу раскрылись все дверцы автомобиля и образовалось кольцо бегущих взрослых людей. Один из них попытался бежать "против течения", но распоряжением Дмитрия Ефимовича был возвращен в строй. К сожалению, в это время на дороге никого не было и некому было наблюдать эту картину"³¹. Конференция закончилась за полночь. Лишь развезя всех попутчиков, Леонид Петрович доставил Васильева домой к пяти часам утра. И услышал: "Леня, а завтра как обычно". Это означало, что к восьми часам утра машина должна быть подана.

Отвезя директора на работу, Комиссаров дремал в машине, когда его разбудила секретарь и сказала, что Васильев вызывает его к себе. Он вошел в кабинет. Дмитрий Ефимович встал ему навстречу и зачитал приказ. "В связи с 100.000-километровым пробегом машины, за ее отличный внешний вид и содержание в технической исправности наградить шоферов Л.П.Комиссарова и И.П. Вахонина премией в размере месячного оклада." Позже, благодаря Дмитрия Ефимовича за неожиданную премию, Комиссаров спросил директора, как он смог так технически грамотно составить приказ. На что Васильев не без юмора ответил: "Леня, разве я составляю приказы? Я их подписываю".

УРАЛЬСКИЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬ

Д.Е. Васильев был не только директором института. В первые годы органов городской власти в том виде, к которому мы привыкли, еще не было. Под контролем Дмитрия Ефимовича находились все городские, а не только институтские структуры. Фактически он был полновластным хозяином всего объекта. И в этом, как свидетельствуют воспоминания, было много положительного. Проблемы, появлявшиеся в жизни города, не были для него чужими или второстепенными. Это убедительно доказывают его поступки. "В 1956 году я исполняла обязанности заведующей детским садом в поселке Сокол³¹. В детском саду шел ремонт. Дети были собраны в две группы, было тесно, неудобно. Ремонт затягивался. Родители посоветовали обратиться за помощью к директору. Записалась на прием, а сама очень переживала, как идти к такому занятому человеку. Утром робко переступила порог директорского кабинета. Мне навстречу из-за стола поднялся высокий, строгий мужчина средних лет. Он ласково, по-отечески улыбнулся, и моя скованность пропала, стало легко и спокойно. Дмитрий Ефимович внимательно меня выслушал. Затем вызвал к себе административных помощников и строго дал задание следить за ремонтом в детском саду. А мне дал задание звонить каждое утро в девять часов и докладывать о ремонте. Каждое утро я стеснялась звонить, отвлекать такого занятого человека от дел, тогда Дмитрий Ефимович звонил сам и делал замечание: "Почему не звоните, как я просил?" Затем он зашел сам, проверил, как идет ремонт. Ремонт заканчивался, он остался доволен. Интересовался питанием детей. Назначил комис-

³¹ Жилой поселок, находившийся на территории 21 планшета. (Примеч. сост.)

сию по проверке питания детей под председательством Веры Михайловны Забабахиной. Питание было хорошим, калорийным. На завтраки детям давали бутерброды с красной и черной икрой, полили рыбьим жиром. На обеды готовили вкусные супы из белых грибов. Но игрушек было мало. По распоряжению Дмитрия Ефимовича я получила в кассе 700 рублей и ездила за игрушками в Свердловск. Сколько было радости у детей! Когда однажды он зашел в детский сад и спросил у детей, понравились ли им игрушки, радости не было конца. Дети благодарили, смешно называли его по имени, а отчество малыши не могли выговорить. Он улыбался и разрешил детям называть его дядей Митей. По утрам, когда он шел на работу мимо детского сада, дети здоровались с ним и говорили - это наш дядя Митя"¹². Неоднократно он оказывал помощь аптеке, выделяя деньги для закупки медикаментов.

Особое внимание директор уделял школе. Первым зданием, построенным в городе, была именно школа. Деньги на оборудование кабинетов, закупку материалов выделялись им по первому требованию. Пользуясь личными связями, Васильев сумел достать для школьных мастерских станки - в послевоенные годы это, по свидетельству первого директора этой школы Н.Г. Палкина, было абсолютно невозможно. Причем такая забота была продиктована и практическими соображениями. Однажды Дмитрий Ефимович пригласил к себе директора экспериментального завода и распорядился наладить, совместно со школьной мастерской, производство коловоротов, чтобы завод готовил отдельные части, а школьники на уроках труда собирали их. Идея оказалась очень удачной. Коловороты в

¹² Е.П. Бродягина.

наших озерных местах оказались очень кстати, и в школьные мастерские началось настоящее паломничество, что принесло школе и определенную финансовую выгоду.

Д.Е. Васильев нередко появлялся на собраниях родительского комитета, на балах старшеклассников, а присутствие его на линейке 1 сентября было традиционным. В 1958 году в школе состоялся первый выпуск. Дмитрий Ефимович распорядился, чтобы специально к этому событию были выращены цветы, которые и были вручены каждому выпускнику.

В первое время, когда жилья не хватало, половину школы отдали под общежитие для рабочих. Города как такового еще не было, и по вечерам заняться было нечем. Узнав об этом, Васильев настоял на открытии для молодых рабочих вечерней школы. Выгода от такого времяпровождения как для учеников, так и для предприятия была очевидна. Когда же начались ссылки на отсутствие помещений для занятий, Дмитрий Ефимович счел такой аргумент неубедительным. "Негде - будете в моем кабинете заниматься". Место нашлось в поселке.

Узнав во время одной из поездок по Уралу, что в Аргаяше находится детский дом для больных детей, директор установил над ним шефство института и неоднократно помогал всем, чем мог.

При необходимости Дмитрий Ефимович полностью использовал данную ему власть. В первые годы существования Снежинска горожане жили в условиях, непривычных для "большой земли". Ключей от квартир не было, уходя, дверь просто закрывали. Идя в кинотеатр, оставляли сумки с документами и продуктами на лавочках и прилавках соседнего магазина. И не было случая, чтобы что-то исчезло. "И вот как-то летом дочка Васильева,

приехавшая к нему на каникулы, каталась на велосипеде, оставила его на улице и он пропал. Васильев вызвал единственного милиционера и поручил ему найти вора. Украденный велосипед нашелся через час. Украл его лодочник, насколько я помню. Спрятал в лодке, хотел увезти и продать где-то на стороне. Васильев рассердился не из-за того, что это велосипед его дочери, а из-за идеи, его страшно разозлило, что уже появились воры. Он отдал распоряжение подождать машину, погрузить в кузов все вещи лодочника, вывезти их за зону и сгрузить за проволокой"³³.

Подлинную любовь испытывал Дмитрий Ефимович к уральской природе. Близкие неоднократно слышали его слова: "Если бы мне довелось повторить жизнь сначала, я бы обязательно стал зоологом". Варварское отношение к природе воспринималось им как личное горе.

Во время подготовки к встрече Нового года молодежь поселка решила украсить клуб гирляндами из сосновых веток. Но так как в лесу лежал глубокий снег, то они стали рубить ветки на соснах, стоящих вдоль дороги, оставляя деревья с голыми стволами. "Дмитрий Ефимович, увидев столь варварскую порубку, пришел в такой гнев, в такое возбужденное состояние, в каком я его до этого не видел. Он тотчас прервал глумление над природой, отчитал молодежь за бездушное отношение к лесу, за нарушение природной красоты"³⁴. "Был и такой случай, когда один из сотрудников института, опытный охотник, знающий цену природе, застрелил на нашем озере лебедя. Для Дмитрия Ефимовича, охотника и рыбака в лучшем смысле слова, это стало трагедией, ему было непонятно, как посмел человек поднять руку

³³ К.И. Шелкин.

³⁴ Л.П. Комиссаров.

на лебедя”³⁵. Сам будучи страстным охотником и рыболовом, он никогда не преступал черту, отделяющую человека от вандала. “Зима 1955-1956 годов была очень снежной и морозной. Дорога Челябинск-Свердловск после ее очистки от снега была, по существу, траншеей, обрамленной снежными валами более чем метровой высоты. Машине, человеку и зверю, попавшим на эту дорогу-траншею, выбраться можно было только в местах пересечения автотрассы с дорогами-ответвлениями, ведущими в населенные пункты. Дмитрий Ефимович любил управлять автомобилем и частенько при дальних поездках садился за руль служебного автомобиля, а водителя усаживал рядом с собой. Однажды, возвращаясь из Челябинского обкома КПСС, а время было уже позднее, Дмитрий Ефимович сел за руль и с включенными фарами, как всегда, на хорошей скорости вел автомашину. Случилось так, что в свет фар попал бегущий заяц. Дмитрий Ефимович сбросил скорость, чтобы не настигнуть и не задавить его. Довольно долго мы ехали за зайцем в надежде, что тот как-то сумеет вырваться и уйдет от нашего вынужденного преследования. Наконец-то ему удалось выскочить куда-то в сторону, и Дмитрий Ефимович увеличил скорость”³⁶.

У дороги Касли-Тюбук Дмитрий Ефимович обнаружил родник вкусной, чистейшей питьевой воды. Одному из сотрудников административно-хозяйственного отдела он приказал установить у родника скамейку, а на подставку поставить кружку, чтобы люди могли посидеть, отдохнуть, попить водички. На вопрос хозяйственника: “А если кружку уведут?” – Дмитрий Ефимович ответил: “Отвезешь вторую, а если потребуется, то и третью”.

³⁵ П.Я. Успенков.

³⁶ П.Я. Успенков.

Д.Е. Васильеву принадлежит инициатива разведения голубей в нашем городе, создания рыбопитомника по разведению карпа на озере Ергалды, утиной фермы на озере Зыренкуль, зарыбления наших озер личинками сига и взрослыми экземплярами леща. Только в Синару в 1957-1959 годы их было выпущено несколько миллионов штук. Были выполнены подготовительные работы, в том числе и оснащение нашего самолета АН-2 для доставки из озер Псковской области озерного судака, а с северных озер Тюменской области - пеляди. Но, как это часто бывает, прекрасная идея держалась лишь на авторитете директора. После его смерти проследить за реализацией этих планов стало некому.

Люди, встречавшиеся с Дмитрием Ефимовичем даже на короткое время, неизменно попадали под обаяние его личности. Васильев - персоне в высшей степени харизматичная. Вот как описывает его П.Я. Усиков: "На меня Дмитрий Ефимович произвел сразу очень хорошее впечатление - точен, внешне опрятен, симпатичен, фигура могучая, импозантен, черты лица крупные, улыбка приятная. Позже, работая в институте и встречаясь с ним ежедневно, я понял, что этот человек очень трудолюбив, деловит, делу не просто служит, а предан, строг и очень справедлив, интересный собеседник и рассказчик"³⁷.

Жил Д.Е. Васильев в деревянном рубленом доме на 21 площадке. Его семья - жена Александра Аркадьевна и дочь Долорес - жила в Москве, и лишь изредка они приезжали в наш город. Хозяйство вела дальняя родственница - Анна Григорьевна. Дмитрий Ефимович был очень внимателен к близким, дочери из всех поездок обязательно привозил всевозможные сувениры. К праздникам обязательно готовил подарки, предпочитая дарить их заранее, го-

³⁷ П.Я. Усиков.

воря при этом, что лучше сделать это раньше, чем опоздать.

Д.Е. Васильев обладал качеством, крайне важным для администратора - он умел разбираться в людях. Можно сказать, что он был неплохим психологом. Вот как характеризует его А.Я. Мальский: "Это не только начальник, это товарищ, друг, это замечательный человек, с которым было очень легко работать. Он охотно делился тем, что знал сам. Даже когда он начальник, а ты подчиненный, он ничем не напоминал о своем высоком положении. Он хорошо знал, кому можно полностью доверять и не контролировать, а кого надо контролировать и почаще подстегивать. Опытный руководитель, производственник, организатор уралмашевской школы. У него была довольно большая научная эрудиция. Хорошо разбирался в технике, особенно в области электрофизики. Быстро ориентировался в новых задачах, умел подбирать людей. Д.Е. Васильев имел за плечами опыт строительства больших современных объектов. Умел ладить со строителями, понимал их и сам разбирался в строительстве. Еще у него была такая черта. Он никогда не ругался, не оскорблял. Был исключительно воспитанный и вежливый, джентльмен в полном смысле этого слова. А для ученой публики такой руководитель просто находка, они ведь очень обидчивы, самолюбивы, при них грубого слова не скажи. Надо было подобрать такого умного и мягкого дирижера, каким и стал Д.Е. Васильев"³⁸.

Васильев часто бывал организатором коллективных вылазок на рыбалку, охоту, по грибы. Порой диву давались, как его на все хватало. Он отвечал: "Если вас, чертей, не вывезти на природу,

³⁸ А.Я. Мальский.

вы там в лаборатории одубеете, и проку от вас как ученых никакого не останется”³⁹.

Не только “новые уральцы”, но и приезжавшие из Москвы представители министерства знали, что охота в компании с Васильевым неудачной не бывает. Конечно, дичи в те годы в лесах было много, но ведь нужно знать, где охотиться. “Приехала комиссия из министерства с проверкой. В выходные все пошли на охоту, а меня Дмитрий Ефимович взял с собой на рыбалку. Встретились на 21 площадке, варим уху, охотники принесли уток. Васильев говорит:

- А где вы стреляли?

- А вот там - их там столько! Мы бьем-бьем, а они не улетают.

- Ну-ка сваливайте их в кучу.

Позвонил дозиметристам, они приехали, померили дичь - приборы зашкалили. Оказывается, комиссия охотилась в районе радиоактивного следа аварии 1957 года. Пришлось все сжечь - не только дичь, но даже и одежду. Ну а рыбу все поели с удовольствием”⁴⁰.

Дмитрий Ефимович, по воспоминаниям людей, знавших его, много и интересно рассказывал. “О золотоискателе, требовавшем оплаты больничного листа по среднему заработку за тот месяц, когда он нашел шестикилограммовый самородок; о неизвестных людях, просивших у него экскаватор для осушки болот (они рассчитывали там добыть десять пудов платины); о чуть было не случившемся несчастье из-за ошибки в типе спирта на пороховом заводе (этил или метил); о некоторых делах уральской старины, как свирепых (вплоть до казни за брак на демидовских заводах), так и легкомысленных (не-

³⁹ В.И. Жучинин.

⁴⁰ А.В. Кручинин.

церковные женитьбы на пару недель, обычно на праздники)"⁴¹. Рассказчик он был замечательный, умел любую мысль, идею донести до собеседников с поразительным красноречием. "Помню, мне пришлось три вечера подряд участвовать в совещаниях городского масштаба по вопросам совершенно разного характера. Кажется, один из них был посвящен воспитанию молодежи, второй - освоению новой техники, а третий - итогам очередного пленума ЦК КПСС. Я с интересом наблюдала за Дмитрием Ефимовичем. Он оживленно перешептывался с соседями в президиуме совещания. Потом в какой-то момент отключался и через несколько минут брал слово для выступления. Все три его выступления, посвященные таким разным вопросам, были блестящими как по форме, так и по содержанию"⁴². Речь его всегда была образной, часто была украшена крылатыми словами, особенно из китайской философии.

Уралец по происхождению, Васильев знал и понимал значение народных промыслов. Он собирал образцы каслинского художественного литья и всячески способствовал возрождению этого искусства на Урале. "Об Урале он не мог говорить без волнения, мог рассказывать о нем часами. Запомнился мне один случай. Купил я как-то небольшую книжонку об Урале - путеводитель. Был страшно горд и показал ее Дмитрию Ефимовичу. Он улыбнулся и сказал: "Знаешь что, приходи, я тебе кое-что покажу". Я пришел и увидел массу редких книг по Уралу. Когда я их посмотрел, я понял, что такое Урал. Дмитрий Ефимович был очень культурным и образованным человеком. Его библиотека меня поражала. В коттедже, где он жил, полови-

⁴¹ Е.И. Заббанин.

⁴² Е.А. Фоктиспект.

ну занимали книги"⁴³. Причем эта библиотека постоянно увеличивалась. Каждую неделю он привозил из магазинов области солидную стопку книг, а на вопрос, когда он успеет все это прочесть, отшучивался: "На пенсию пойду - буду читать". После смерти Дмитрия Ефимовича большая часть его библиотеки, согласно его завещанию, была передана на его родину.

Д.Е. Васильев был самым старшим из всех приехавших в новый институт специалистов. Молодежи, составившей костяк "комсомольского" института, его возраст казался более чем солидным. На самом деле ему было чуть больше пятидесяти лет. Высокий, атлетически сложенный, подтянутый, он невольно привлекал к себе внимание. Его часто можно было увидеть на рыбалке, на охоте или на ледяном корте, где они с К.И. Щелкиным соревновались в умении кататься на коньках. Он был, несмотря на занимаемый пост, доступен и общителен. Мог рассказывать анекдоты про руководителей, в том числе и в свой адрес. Все праздники он проводил вместе со своими сотрудниками, активно участвуя во всех вечерах. А иногда он сам и становился инициатором и организатором костюмированных балов по самым разнообразным поводам. Первый такой бал состоялся в новогоднюю ночь 1956 года в клубе "Химик" на 21 площадке. Это был едва ли не первый праздник в молодом институте. Костяк его составили сотрудники, приехавшие из Арзамаса-16. И конечно, расставшись с обжитым местом друзьями, новоиспеченные уральцы чувствовали себя немного грустно. В такой ситуации человеческое внимание, участие директора оказалось как нельзя более кстати. Дмитрий Ефимович уделял большое внимание тому, чтобы сотрудники

⁴³ В.А. Дорофеев.

института - а их в первые годы было немного - не только работали, но и проводили вместе свободное время. Он стремился, чтобы коллектив сложился в одну большую, дружную семью. Так оно и случилось. Старожилы отмечают, что пятидесятые - начало шестидесятых годов было удивительным временем, когда для окружающих не были закрыты ни дома, ни души.

“Это было под Новый, кажется, 1959 год. Мы с девочками из общежития (на 21 площадке) узнали, дома ли Дмитрий Ефимович, и, одетые в карнавальные костюмы, побежали его поздравлять с Новым годом. Он очень хорошо нас встретил, сам играл на пианино, веселился и танцевал с нами. А как он умел танцевать вальс... Грациозно, величаво, жаль, что не все могли это видеть. Сейчас, вспоминая все это, удивляюсь, как мы могли решиться пойти к нему на Новый год, не задумываясь, как это будет выглядеть? Видимо, он настолько мог располагать к себе людей, что люди всегда желали его видеть и относились к нему как к самому близкому человеку. А близким людям всегда приятны встречи”⁴⁴.

Вот еще один новогодний эпизод. “Встреча Нового, 1958 года. Нужно с определенного расстояния набросить кольцо на горлышко бутылки шампанского. Дмитрий Ефимович активно включился в эту игру и под бурные аплодисменты участников сделал это с первого раза, за что и был награжден призом - бутылкой шампанского и пластмассовым зайцем. На следующий день Галина Васильевна Лбова принесла ему приз и пожелала ему, как заядлому охотнику, добывать побольше таких зайчишек. Дмитрий Ефимович ответил: “А вы слышали когда-нибудь, как рыдает раненый заяц, как дитя малое...”

⁴⁴ Г.Д. Густов.

Я дал себе зарок зайцев и пальцем не трогать. И другим охотникам советую так поступать"⁴⁵.

Стрессовые состояния, неизбежные при его заинтересованном, трепетном отношении к делам, дорого обходились Васильеву. К моменту назначения на должность директора нашего института Д.Е. Васильев был уже серьезно болен. 31 декабря 1957 года с ним случился инфаркт, что не заставило его снизить темп работы. Не помогли и обращения врачей в Москву - "в связи с тяжелым заболеванием - сердечная недостаточность, аритмия - просим проследить за соблюдением Д.Е. Васильевым режима труда".

8 марта 1961 года горожане праздновали Международный женский день. Снежинцы отмечали его, как всегда, вместе - в клубах города и 21 площадки. Был с ними в этот день и Дмитрий Ефимович. Он объехал все городские компании, всюду поздравил женщин с праздником и поздно вечером, отпустив шофера, сам сел за руль и поехал домой.

А наутро горожане узнали, что Дмитрия Ефимовича Васильева больше нет. Второй инфаркт настиг его прямо за рулем автомобиля... Старожилы помнят, как тяжела была эта потеря...

Всю жизнь проведенный на Урале, когда-то отказавшийся от повышения и переезда в столицу, после смерти по желанию родственников он был перевезен в Москву и похоронен на Ваганьковском кладбище. На его надгробии высечена надпись: "Уральский градостроитель".

Память о нем до сих пор живет в сердцах людей, знавших и любивших его. Центральная улица города уже много лет носит его имя. На Памире, вершины которого неоднократно покоряли снежинские альпинисты, с 1968 года появился пик имени Д.Е. Васильева.

⁴⁵ Г.Д. Густов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За прошедшие годы во главе института, ради которого и существует Снежинск, стояло несколько руководителей. Личность каждого из них оказала значительное влияние на формирование облика нашего города. Но сколько бы директоров ни сменилось, в истории Снежинска навсегда останется основатель города, первый директор Всероссийского научно-исследовательского института технической физики Дмитрий Ефимович Васильев.

Он ушел из жизни в возрасте 58 лет, многое сделав для становления института и города и, к сожалению, не успев осуществить многого из того, о чем мечтал и думал.

Есть известная житейская мудрость - чтобы не зря прожить жизнь, надо построить дом, посадить дерево, вырастить ребенка. По воспоминаниям людей, близко его знавших, Дмитрий Ефимович очень любил дочь - Долорес. Деревья, посаженные им, радуют глаз. И еще памятью об этом человеке останется небольшая точка на карте - уральский город Снежинск.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

[illegible]

На донной доске 270-летие (1711) На донной доске 270-летие (1711)
 - 270-летие 270-летие (1711) - 270-летие 270-летие (1711)
 - 270-летие 270-летие (1711) - 270-летие 270-летие (1711)

[illegible]

Дом, в котором жил Д. Е. Васильев в г. Свердловск-45 (Лесной)

Ю.А.Зыгин, Д.Е.Васильев, Ю.А.Романов (слева направо)

Д.Е.Васильев и К.И.Шелкин (конец 50-х годов)

*Выступление Д.Е.Васильева на открытии первой школы Снежински
1 сентября 1957 г.*

Д.Е.Васильев, Г.А.Карлыханов, В.В.Дубяцкий, Е.И.Забабихин (слева направо)

Памир. Пик Д.Е.Васильева

Возаньковское кладбище Москвы. Могила Д.Е.Васильева

Содержание

От составителя	6
Биографическая справка	9
Истоки	10
“Здесь будет город заложен...”	17
Во главе института	28
Уральский градостроитель	42
Заключение	54

Уральский градостроитель

Воспоминания о Д.Е. Васильеве

Автор-составитель Т.Г. Новикова
Главный редактор В.И. Никитин
Редакторы В.Н. Ананийчук, Т.Г. Новикова
Корректор Т.В. Сергиенко

Книга подготовлена в отделе научно-технической информации
РФЯЦ-ВНИИТФ

Подготовка оригинал-макета, компьютерная верстка -
издательство "Художник".

Лицензия ЛР № 065123 от 25.04.97

Формат 75х90/32. Гарнитура TimesDL.
Бумага для ВХИ. Печать офсетная.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 30.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Асбестовской типографии.
Свердловская обл., г.Асбест, ул.Садовая, 5